

БАЙРОН В ПУШКИНСКОМ ЗЕРКАЛЕ: ДВА ОТРАЖЕНИЯ

Байрон в зеркале: какое лице странное.
Н.М. Карамзин. Из письма к И.И. Дмитриеву
(10 ноября 1824 г.)

I

В «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях», напечатанных в альманахе «Северные цветы на 1828 год», есть загадочная заметка о русской теме у Байрона, не получившая до сих пор удовлетворительного истолкования:

Байрон говорил, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видал бы собственными глазами. Однако ж в «Дон Жуане» описывает он Россию, зато приметны некоторые погрешности противу местности. Например, он говорит о грязи улиц Измаила; Дон Жуан отправляется в Петербург *в кибитке, беспокойной повозке без рессор, по дурной каменистой дороге*. Измаил взят был зимою, в жестокий мороз. На улицах неприятельские трупы прикрыты были снегом, и победитель ехал по ним, удивляясь опрятности города: Помилуй бог, как чисто!.. Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другие ошибки, более важные. — Байрон много читал и расспрашивал о России. Он, кажется, любил ее и хорошо знал ее новейшую историю. В своих поэмах он часто говорит о России, о наших обычаях. Сон Сарданапалов напоминает известную политическую карикатуру, изданную в Варшаве во время суворовских войн. В лице Нимврода изобразил он Петра Великого. В 1813 году Байрон намеревался через Персию приехать на Кавказ (7, 42; курсив оригинала).

Н.К. Козмин, первым комментировавший заметку, привел по-английски две строфы из «Дон Жуана» о грязи на улицах Измаила и о русской кибитке (соответственно Песнь 8, строфа LXXIII, и Песнь 9, строфа XXX); а также указал, что в четвертом акте трагедии Байрона «Сарданапал» (1821) ее герой рассказывает о том, как во сне ему явились его легендарные предки: Нимврод и Семирамида, которую он называет своей бабкой. По мнению Н.К. Козмина, сцена «действительно немного напоминает одну карикатуру, впро-

чем изданную не в Варшаве, а в Лондоне», описание которой приведено в книге С.В. Козлова «Суворов в его изображениях» (СПб., 1899) и в «Подробном словаре русских гравированных портретов» Д.А. Ровинского (СПб., 1887). На ней изображен Суворов, подносящий Екатерине II отрубленные головы польских женщин и детей «после капитуляции Варшавы». «Екатерина, представленная карикатуристом, — пишет Козмин, — похожа на бабу Сарданапала, которая являлась своему внуку в виде ужасного призрака, обогрелого запекшейся кровью и попирающего ногами индусские трупы». Что же касается Нимврода и Петра, то они, указывает комментатор, «могут быть сопоставлены как основатели двух обширных империй <...>. Вероятно, Пушкин имел в виду того мрачного и надменного гиганта, с неподвижными, светящимися глазами и длинными кудрями, спускающимися на спину, о котором в ужасе говорит байроновский Сарданапал»¹.

Наблюдения Козмина (однако без ссылок на него) повторил, но только в более сильных формулировках, Д.П. Якубович в «Путеводителе по Пушкину» (1931). Он уже уверенно утверждал, что Пушкин имел в виду именно ту английскую карикатуру, на которую очень осторожно указал Козмин, и делал вывод, что в Семирамиде, изображенной у Байрона как «чудовище», Пушкин «должен был видеть соответствие Екатерине»². Вслед за Козминым и Якубовичем аналогичные комментарии к пушкинской заметке дали Б.В. Томашевский (7, 464), Ю.Г. Оксман³ и И.В.Немировский⁴.

М.П. Алексеев попытался рассмотреть замечания Пушкина об отношении Байрона к России как некую едва намеченную «программу исследования», которая «не могла быть осуществлена в условиях цензурного режима», но не сумел дать ответ на вопрос, «какие соображения руководили Пушкиным при ее напечатании». «Трудно сказать, — писал он, — была ли она помещена <...> для напоминания русскому читателю о запретном для него в этой части «Дон Жуане» Байрона, должна ли была служить свидетельством его хорошего знакомства с этой поэмой, или дана была ради со-

¹ Козмин Н.К. Примечания к историко-литературным, критическим, публицистическим и полемическим статьям и заметкам // Пушкин А.С. Сочинения. Изд. Имп. Акад. Наук (АН СССР). Л., 1929. Т. IX (2). С. 94–95.

² Путеводитель по Пушкину. СПб., 1997. С. 275.

³ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. / Под общей ред. Д.Д. Благого. Т. 6: Критика и публицистика. [Примеч. Ю. Оксмана]. М., 1962. С. 474.

⁴ Немировский И.В. Образ Петра Великого у Байрона // Образ Петербурга в мировой культуре. Материалы междунар. конф. (30 июня — 3 июля 2003 г.). СПб., 2003. С. 131–136.

знательной попытки хоть несколько реабилитировать Байрона в глазах русских официальных кругов?»⁵.

Предположения М.П. Алексеева выдают полное недоумение честного исследователя, специалиста по русско-английским литературным связям, столкнувшегося с текстом на отлично знакомую ему тему, прагматику и смысл которого он не может понять. У него просто не хватает смелости признать, что об отношении Байрона к России Пушкин говорит вещи в высшей степени странные и во многом неверные.

Странности текста начинаются уже с замечания о погрешностях Байрона в русских эпизодах «Дон Жуана». Общеизвестно, что эти эпизоды весьма далеки от исторической и этнографической достоверности, и если бы Пушкин хотел указать на ошибки и анахронизмы поэмы, он имел возможность без труда выбрать несколько бесспорных примеров. Вместо этого он по какой-то причине укоряет Байрона за то, в чем английский поэт, по сути дела, неповинен. Из описаний взятия Измаила в поэме абсолютно ясно, что штурм происходит зимой: в строфах СХХVIII—СХХХ Восьмой песни говорится о морозе и «суровом времени года» («les rigueurs de la saison»⁶); в строфе XLII Девятой песни Петербург, куда едет Дон Жуан (кстати, не по «каменистой», как в цитате у Пушкина, а «ужасной дороге, отданной во власть рытвин, камней и любезной природы» — «ces vilaines routes abandonnées aux omières, aux cailloux, et à l'aimable nature»⁷), назван «столицей снегов» («capitale des neiges»⁸). Пушкин, безусловно, не мог не понимать, что, упоминая «недавно замерзшую грязь», которая «растаяла, превратившись в болото человеческой крови» («la fange, glacée naguère, et fondue en un marais de sang humain»⁹), Байрон абсолютно точен, ибо имеет в виду вовсе не осеннюю или весеннюю распутицу, а кровавое месиво под ногами у солдат во время жуткой бойни, образовавшееся от того, что пожары, взрывы и, главное, потоки льющейся крови растопили зимний лед¹⁰.

⁵ Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи: XVIII век — первая половина XIX века. (Литературное наследство. Т. 91). М., 1982. С. 408.

⁶ Oeuvres de Lord Byron. Sixième édition. Entièrement revue et corrigée par A. P...T.; <...> Paris, 1827. Т. V. P. 238. Все сочинения Байрона цитируются в этой главе по французским прозаическим переводам Амадея Пишо и Эзеба де Саяя, которые в 1820-е годы входили в круг чтения Пушкина. Многочисленные расхождения с оригиналом при этом не оговариваются.

⁷ Ibid. P. 261.

⁸ Ibid. P. 262.

⁹ Ibid. P. 215.

¹⁰ Характерно, что в черновике Пушкин сначала написал «кровавая грязь в Измаиле», а потом вычеркнул эпитет (*Акад.* XI, 328).

Правда, в поэме Байрона действительно ничего не сказано о снеге, засыпавшем трупы, по которым, как утверждает Пушкин, в крепость въехал «победитель» — то есть Суворов, командовавший штурмом. Однако мне не удалось обнаружить столь эффектный эпизод и в основных исторических источниках конца XVIII — начала XIX века, где в подробностях описывалось бы взятие Измаила¹¹. Сам Байрон, как он сообщил в предисловии к песням VI—VIII «Дон Жуана», в военных сценах опирался главным образом на книгу французского историка Габриэля де Кастельно «Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie» (1820) — особо ценный источник, потому что в рассказе о штурме Измаила автор обильно цитировал неопубликованные записки одного из его участников, герцога де Ришелье. Никакого упоминания о снегопаде ни у Кастельно, ни в записках Ришелье нет¹². Не упоминается снег и в детальном описании битвы, которое было приведено в книге павловских времен о кампаниях Суворова, имевшейся в библиотеке Пушкина¹³. Автор лишь отмечает густой туман в утро штурма, а также то обстоятельство, что после захвата крепости трупы погибших турок в течение шести дней сбрасывали в Дунай, а не закапывали, потому что «земля была мерзлой»¹⁴. Примерно те же сведения

¹¹ Снег в Измаиле шел за две недели до штурма, в дни временного отступления войск от крепости, что отмечено в письмах Г.И. Чернышева к С.Ф. Голицыну от 27 и 29 ноября 1790 года: «Во время пути ночь была отвратительная, ветер и снег чертовские; так кончилась комедия»; «...у нас снег и зима по горло» (Письма во время осады Измаила 1790 года. От графа Г.И. Чернышева к князю С.Ф. Голицыну // Русский архив. 1871. Кн. I. № 3. Стб. 398, 400). По всей вероятности, это был мокрый снег, который быстро стаял, как обыкновенно происходит на Дунае, близ Черного моря. По воспоминаниям герцога де Ришелье, в дни перед штурмом русским солдатам в лагере приходилось спать на «сырой и холодной земле» (Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 54. Герцог Арман-Эммануил Ришелье. Документы и бумаги о его жизни и деятельности. 1766—1822 / Изд. под наблюд. А.А. Половцова. СПб., 1886. С. 161).

¹² См.: [Castelnau Gabriel de.] Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie. Statistique des provinces qui la composent. Fondation d'Odessa; ses progrès, son état actuel; détails sur son commerce. Voyage en Crimée, dans l'intérêt de l'agriculture et du commerce. Avec Cartes, Vues, Plans, etc. Dédié A S. M. L'Empereur Alexandre I-er. Т. 1—3. 3-me éd. Paris, 1827. Т. 2. P. 201—219. Полностью записки герцога де Ришелье были опубликованы А.А. Половцовым в «Сборнике Императорского русского исторического общества» (см. предыдущее примечание).

¹³ См.: [Anthing Frederic.] Histoire des campagnes du Comte Alexandre Suworow Rymnickski, Général-Feld-Maréchal au service de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies. Seconde édition. Londres, 1799. P. 60—85. (*Библиотека Пушкина.* № 991. С. 250).

¹⁴ Ibid. P. 62, 81.

повторяются и в журнальных публикациях 1820-х годов, и в более поздних исторических исследованиях. Так, анонимный автор «Воспоминаний в степях Бессарабии» писал в 1822 году, что если бы штурм Измаила был отложен хотя бы на одни сутки, то Суворов «должен бы был отступить без всякого успеха и, может быть, с большим уроном и даже бесславием», поскольку «на другой день поднялся такой сильный туман, что нельзя было почти различить предметов в самом ближнем расстоянии, и земля сделалась столь сыра и скользка, что никак бы нельзя было осаждавшим влезть на валы. Туман сей продолжался всю зиму»¹⁵.

Из воспоминаний И.П. Липранди, вместе с Пушкиным посетившего Измаил в декабре 1821 года, мы знаем, что обстоятельства прославленной битвы вызывали у Пушкина большой интерес. В первый же день по приезде, пишет Липранди, он «обошел всю береговую часть крепости и, как теперь помню, <...> удивлялся, каким образом Де-Рибас, во время суворовского штурма, мог, со стороны Дуная, взобраться на эту каменную стену и пр. Подробности штурма ему были хорошо известны»¹⁶. На следующий день Пушкин снова посетил крепость и крепостную церковь, где изучал «надписи некоторым из убитых на штурме»¹⁷. Естественно предположить поэтому, что он мог располагать какими-то сведениями, полученными из разговоров с ветеранами Русско-турецкой войны и любителями военной истории. Много интересного о взятии Измаила Пушкину должен был рассказать его весьма словоохотливый одесский собеседник, граф Александр (Андро) Ланжерон¹⁸, кото-

¹⁵ Воспоминания в степях Бессарабии // Отечественные записки. 1822. Ч. 11 (С видом Измаила). № 27 (Июль). С. 41—42. Ср. также почти дословное повторение процитированного пассажа в трудах русско-немецкого историка Фридриха (Федора Ивановича) фон Смитта: Взятие Измаила. 11 декабря 1790 года. (Отрывок из Новой Биографии Суворова Сочиняемой на Немецком языке Г. Смитом) // Сын Отечества. 1825. Ч. 103. № 17. С. 65—66; *Smith Friedrich von. Suworow und Polens Untergang*. Т. 1: Suworow. Leipzig und Heidelberg, 1858. С. 549—550. Рус. пер.: Суворов и падение Польши. Сочинение Фридриха фон Смитта / Пер. с нем. ... под ред. Голицына. Т. 1: Суворов. СПб., 1866. С. 353.

¹⁶ *Липранди И.П.* Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд. / Вступ. ст. В.Э. Вацуру; сост. и примеч. В.Э. Вацуру, М.И. Гиллельсона, Р.В. Иезуитовой, Я.Л. Левкович и др. Т. 1. С. 307.

¹⁷ Там же. С. 308.

¹⁸ Сведения о Ланжероне и его отношениях с Пушкиным см.: *Де-Рибас А.* Пушкин и Ланжерон-драматург // Пушкин. Статьи и материалы / Под ред. М.П. Алексеева. Одесса, 1925—1927. Вып. 2. 1926. С. 32—40; [Биографическая справка] // Там же. Вып. 3. 1927. С. 58—60. Отметим, однако, что в книге военного историка Н.А. Орлова «Штурм Измаила Суворовым в 1790 году» (СПб., 1890), основанной по большей части на неопубликованных записках Ланжерона, нет никаких пересечений с пушкинским описанием захваченной крепости.

рый участвовал в штурме как раз под началом Де-Рибаса, упомянутого у Липранди. Однако, даже если в заметке Пушкин использует чье-то устное или неопубликованное мемуарное свидетельство, не вошедшее в основные источники, его претензии к Байрону выглядят крайне странно: ведь в таком случае он укоряет автора «Дон Жуана» за незнание подробностей, которых тот, по определению, знать никак не мог.

Явно противоречат известным фактам и утверждения Пушкина, что Байрон любил Россию, собирался ее посетить в 1813 году¹⁹, много расспрашивал и писал о ней и часто говорил о русских обычаях в своих поэмах. В доступной к 1827 году критической, биографической и мемуарной литературе о Байроне Россия упоминалась крайне редко, и лишь Стендаль в письме к Анне-Луизе Беллок обмолвился, что Байрон расспрашивал его об отступлении Наполеона из Москвы²⁰; писал о России Байрон только в соответствующих песнях «Дон Жуана», в начальных четырнадцати стихах поэмы «Мазепа» и в политической сатире «Бронзовый век», где есть отступление, посвященное московскому пожару²¹. Его творчество,

¹⁹ В черновике Пушкин отнес намерение Байрона посетить Персию и Кавказ к 1811 году (см.: *Акад.* XI, 328), когда тот заканчивал длительное путешествие по Португалии, Испании, Греции, Турции и Албании. До выхода в 1830 году «Записок» Томаса Мура (см. о них ниже, примеч. 58) единственным доступным Пушкину источником сведений о неосуществленных планах путешествий Байрона была книга Р. Ч. Далласа, который опубликовал в ней собственную переписку с Байроном, письма последнего к матери, а также свои воспоминания о встречах с молодым поэтом в период с 1808 по 1814 год. Французский перевод книги сохранился в пушкинской библиотеке (*Библиотека Пушкина*. № 695. С. 181). Из опубликованных Далласом материалов следовало, что Байрон вначале собирался поехать в Персию, а оттуда — в Индию (но не на Кавказ). Правда, в письме к матери от 22 июня 1809 года, написанном еще до отъезда из Англии, он сообщал, что, если у него кончатся деньги, он поступит на австрийскую или русскую службу (*Correspondance de Lord Byron avec un ami, comprenant en outre les Lettres écrites à sa mère du Portugal, de l'Espagne, de la Turquie, et de la Grèce, dans les années 1809, 1810, et 1811, et des Souvenirs et Observations; le tout formant une Histoire de sa Vie, de 1808 à 1814 <...> Par feu R.C. Dallas*. Paris, 1825. Т. I. P. 101), чем, возможно, и объясняется первоначальная пушкинская датировка. Вспоминая 1813 год, Даллас пишет, что Байрон тогда впал в глубокую депрессию и хотел, чтобы развеяться, снова отправиться в путешествие, но ничего не говорит о предполагаемых маршрутах. Тот факт, что Пушкин, сменив датировку, тем самым отказался от более или менее правдоподобного домысла в пользу чистого вымысла, заставляет подозревать целевую установку на искажение всей информации, касающейся Байрона.

²⁰ *Mme Louise Sw.-Belloc*. Lord Byron. Paris, 1824. Т. I. P. 355.

²¹ Кроме того, пожар Москвы мельком упоминается в сатире «Вальс» (1812).

письма, дневники и «разговоры» не содержат ни единого свидетельства любви к ней, а о русских обычаях или, точнее, об одном обычае — прыгать в Неву после горячей бани — речь заходит всего один раз: в строфе LXXIII Двенадцатой песни того же «Дон Жуана», снабженной ироническим этнографическим примечанием. Маловероятно, что до Пушкина дошли рассказы об известных нам сейчас встречах Байрона с русскими — с князем П.Б. Козловским в 1813 году и предположительно в 1814 году в Лондоне, с адмиралом П.В. Чичаговым в 1816 году в Швейцарии и с каким-то русским аристократом (вероятно, графом А.Г. Строгановым) в Венеции²², — поскольку ни с кем из них в 1820-е годы он не был знаком. Зато и Пушкин, и его просвещенные читатели превосходно знали, что Байрон ненавидел русское самодержавие, резко критиковал внешнюю и внутреннюю политику русского правительства и с крайним презрением отзывался о русских монархах, особенно о Екатерине II и Александре I, которого он имел неудовольствие видеть на балу в Лондоне в 1814 году.

«Я знаю, — писал Байрон о России в Девятой песни “Дон Жуана”, — что могущественную империю ныне ублажают лестью, даже вольтеровской, и это прискорбно. Что ж до меня, то я полагаю, что абсолютный самодержец — это не варвар, а много хуже того» (строфа XXIII)²³. В Шестой песни (строфа XCII) он именует Екатерину «величайшей из цариц и продажных девок» («la plus grande des souveraines et des cataus»), используя грубое существительное «whores», которое французский переводчик приводит в подстрочном примечании²⁴, а в песни Четырнадцатой, когда речь заходит о Священном Союзе, восклицает: «Посадите под замок плешивого дурня и хама Александра; // Отправьте всю священную троицу в Сенегал!» (строфа LXXXIII)²⁵. Резкими выпадами против русского самодержавия изобилует и сатира «Бронзовый век», написанная по случаю Веронского конгресса 1822 года. Вспомнив «кровавый долг Екатерины» покоренной Польше, Байрон призывает поляков: «... вперед, вперед, вперед! жажда войны требует крови рабов и их Царя. Полуварварские минареты Москвы сияют на солнце, но солнце это заходит!»²⁶. Особенной остротой отличается его характеристика Александра I:

Чудное зрелище! поглядите на царя, самодержца вальсов и войны! Этот фат так же жаден до аплодисментов, как и до новых

²² Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи: XVIII век — первая половина XIX века. С. 394—407.

²³ Oeuvres de Lord Byron. Sixième édition. T. V. P. 258.

²⁴ Ibid. P. 125.

²⁵ Ibid. T. VI. P. 192.

²⁶ Ibid. T. XVI. P. 165.

владений, и так же готов блистать в салонах, как и воевать; красавчик-калмык с умом казака; благородная душа, когда она не заморожена; он только лишь оттаивает в либеральной оттепели, как тут же снова окоченевает, едва почуввав прохладу. Он не возражает против истинной свободы, но при условии, что она оставит народы несвободными. Посмотрите, как этот Царственный шеголь разглагольствует о мире, с каким удовольствием он освободит греков, если они согласятся стать его рабами²⁷.

Когда Пушкин, явно лукавя, говорит о любви Байрона к России, он, по-видимому, хочет напомнить читателям своего круга об известных им нелестных характеристиках русских царей в «Дон Жуане» и «Бронзовом веке»²⁸, чтобы мотивировать неожиданное отождествление Петра I и Екатерины II с мифологическими ассирийскими властелинами, Нимвродом и Семирамидой, изображенными в «Сарданапале». Сам текст Байроновой трагедии больших оснований для такого отождествления не дает, ибо никакие русские (и другие современные) аллюзии в замысел Байрона, как кажется, не входили. В предисловии к пьесе он заявил, что его намерением было следовать рассказу о Сарданапале в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, одновременно попытавшись соблюсти классицистические правила драматических единств²⁹. «Я надеюсь, — писал он своему издателю Джону Мьюрри перед выходом трагедии в свет, — что “Сарданапала” не примут по ошибке за *политическую* пьесу, потому что это совсем не входило в мои намерения, и я не думал ни о чем, кроме азиатской истории. <...> Моей целью было драматизировать, подобно древним грекам (тут я скромничая), поразительные исторические эпизоды, как они это делали с историей и мифологией. <...> Беда в том, что в наше время нельзя говорить о королях и королевах без того, чтобы тебя не заподозрили в политике или намеках на личности»³⁰.

²⁷ Oeuvres de Lord Byron. Sixième édition. T. XVI. P. 176—177.

²⁸ Ср., например, отзыв о «Бронзовом веке» в письме П.А. Вяземского к А.И. Тургеневу от 18 ноября 1823 года: «Читал ли ты “Le siècle de fer” [sic! правильно: “L’âge de bronze”] Бейрона? Вот хлещет всех жильцов по этажам глупости, начиная от низменных Красовских до тех, которые уж выше, кажется, нельзя!» (Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка кн. П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. Т. 2: 1820—1823. СПб., 1899. С. 367). В комментариях к письму не отмечено, что Вяземский цитирует начало «Моей песни» Дениса Давыдова: «Я на чердак переселился; / Жить выше, кажется, нельзя!» (Давыдов Д.В. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. В.Э. Вацура. Л., 1984. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 70).

²⁹ См.: Oeuvres de Lord Byron. Cinquième édition. Entièrement revue et corrigée par A. P...T.; <...> Paris, 1823. T. X. P. 3.

³⁰ Letters and Journals of Lord Byron: with Notices of His Life, by Thomas Moore. Complete in one volume. Paris, 1831. P. 398—399 (письмо от 14 июля

Не содержала прямых актуальных аналогий, тем более русских, и упомыная Пушкиным сцена. Сарданапалов сон — это кошмар героя, в котором ему являются «коронованные призраки», жуткие «полуожившие изваяния» всех его предшественников на ассирийском троне, начиная с Нимврода. Они, не говоря ни слова, сидят с ним за пиршественным столом, а затем один за другим исчезают, словно — как думает герой — «заманивая его к себе». В портрете охотника Нимврода, лишенном сколько-нибудь конкретных признаков («*Ses traits étaient ceux d'un géant, son oeil immobile et pourtant étincelant; ses longs cheveux descendaient sur ses vastes épaules...*»³¹), с Петром I могут быть соотнесены только «черты лица какого-то гиганта» и длинные волосы, спадающие на плечи. В портрете Семирамиды — омерзительной похотливой старухи с окровавленными руками, в которых она держит два кубка, один с бурлящей кровью, а другой с чем-то отвратительным, — можно усмотреть лишь карикатурное сходство со старой Екатериной, и потому Пушкин актуализирует его ссылкой на польскую обценную карикатуру 1790-х годов «Пиршество Екатерины», описание которой он нашел в запрещенной книге Шарля Массона «*Mémoires secrets sur la Russie...*». На этой карикатуре Екатерина, как Семирамида у Байрона, изображена сидящей за столом. «С одной стороны, — пишет Массон, — несколько казаков подают ей окровавленные части тел шведов, поляков и турков, только что изрубленных ими. С другой, как бочки в подвале, выстроились обнаженные молодые мужчины. Старая матрона посредством онанической операции заставляет их *исторгать в воздух человеческие жидкости*, извлекает из этих живых бочек напитков, который она набирает в кубок и подносит Екатерине для питья. Под этой жестокой карикатурой написаны стихи, ее достойные, которые можно передать сколько-нибудь прилично только таким образом: “Поскольку ты так любишь мужчин, ешь их плоть и пей самую чистую их кровь”»³².

Частичное совпадение обличительных мотивов — фантазмагорическое пиршество, кубок, наполненный спермой или кровью, который символизирует похоть и жестокость старой царицы, —

1821 года; курсив Байрона). Французский перевод см.: *Mémoires de Lord Byron, publiés par Thomas Moore; traduits de l'Anglais par M-me Louise Sw.-Belloc. Paris, 1830. T. V. P. 41—42.*

³¹ *Oeuvres de Lord Byron. Cinquième édition. T. X. P. 136.*

³² *Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I. <...> Amsterdam, 1800. P. 115, note 1 (Библиотека Пушкина. № 1152. С. 285).* Рус. пер.: Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. Наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомленность автора. М., 1996. С. 52, примеч. (курсив оригинала).

здесь налицо, что и дало Пушкину возможность приписать «Сарданапалову сну» русские «применения». На самом же деле, как резонно заметил И.В. Немировский, сам Байрон о них не помышлял³³ — именно Пушкин обнаруживает в тех вариантах мифов и легенд о Нимвроде и Семирамиде, которые отразились в «Сарданапале», прообразы центральных для русской истории XVIII века властителей и обстоятельств их правления. В случае с Нимвродом основанием для аналогии является его статус великого предка, «первого царя», основавшего мощную ассирийскую империю и построившего ее столицу, прекрасную Ниневию (по Байрону, на реке Евфрат, а в действительности на Тигре), где происходит действие трагедии³⁴. В случае с Семирамидой — с одной стороны, ее статус великой «продолжательницы», которая, как Екатерина II, вела победоносные войны, существенно расширила границы империи и построила в Ниневии прекрасные дворцы и сады, а с другой — «темная сторона» ее биографической легенды, согласно которой она взшла на трон, убив своего мужа, царя Нина, и отличалась провербиальным сладострастием и количеством молодых любовников. Поскольку Екатерину II с конца XVIII века нередко именовали «северной Семирамидой»³⁵, а воздвигнутые в ее царствование дворцы и парки сравнивали с «садами Семирамиды»³⁶,

³³ *Немировский И.В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003. С. 327.*

³⁴ Н.К. Козмин ошибочно назвал Нимврода в «Сарданапале» вавилонским царем (Козмин Н.К. Примечания к историко-литературным, критическим, публицистическим и полемическим статьям и заметкам. С. 94), как в агадических и мусульманских изводах мифа (см.: Мейлах М.Б. Нимврод // Мифы народов мира. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1992. Т. 2: К—Я. С. 218—219), которые, однако, Байроном не были востребованы. Ту же ошибку недавно повторил И.В. Немировский, предположивший, что в заметке о Байроне Пушкин, предвосхищая «Медного всадника», хотел соотнести основание Петербурга с мифом о попытке Нимврода построить Вавилонскую башню, а Петра Великого и памятник Фальконе — с самим легендарным охотником, обладавшим чудодейственной силой (см.: *Немировский И.В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. С. 327*). Связь «Медного всадника» с «Сарданапалом» просматривается в другом — в схождении мотивов оживающей статуи царя-основателя и в общей для обоих теме наводнения (см. ниже).

³⁵ Об истории этого титула см. мою заметку «Северная Семирамида в электронном сборнике «Кириллица, или Небо в алмазах: Сборник к 40-летию Кирилла Рогова» (2006): <http://www.ruthenia.ru/document/539839.html>.

³⁶ См., например, в «Петербург» Вяземского: «Чертоги кесарей, сады Семирамиды, / Волшебны острова Делоса и Киприды! / Чья смелая рука совокупила вас? <...> Державный дух Петра и ум Екатерины / Труд медленных веков свершили в век единый» (*Вяземский П.А. Стихотворения / Вступ. статья Л.Я. Гинзбург. Сост., подгот. текста и примеч. К.А. Кумпан. Л., 1986. (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.). С. 119*).

пушкинская двойная отсылка к обценной польской карикатуре и к образу похотливой и кровожадной царицы у Байрона (где она прямо названа «убийцей собственного мужа» — «la meurtrière de son époux»³⁷) выявляла подспудную, неотрафлексированную двусмысленность этих риторических формул.

Если Пушкин, вопреки очевидности, настаивает на том, что Байрон в «Сарданапале» изобразил русских монархов XVIII столетия, его слова можно понять как приглашение распространить русскую проекцию и на главного героя трагедии, который, как внук Семирамиды, должен тогда ассоциироваться с Александром I. Очевидно, он ориентируется на избранных читателей, хорошо помнящих основные события и характеры трагедии, повествующей о конце ассирийского царя, и способных соотнести их с трагическим концом «дней Александровых». Поскольку современному читателю сюжет «Сарданапала» известен хуже, чем пушкинским адресатам, приведем его краткое изложение:

Трагедия начинается с монолога Салемена, шурина царя Сарданапала, который неизменно называет его своим братом. Добродетельный и верный «государственник», Салемен боится, что мощная империя, созданная Нимвродом и расширенная Семирамидой, бабкой Сарданапала, будет разрушена, а династия прервется, потому что слабохарактерный, изнеженный, ленивый царь не дорожит короной и не занимается государственными делами, полагаясь на жестоких сатрапов; больше всего его занимают балы и прочие развлечения; удалив от себя достойную жену, он открыто живет с любовницей-гречанкой Миррой. За все это Сарданапал заслужил презрение и ненависть в народе, который, как боится Салемен, в случае гражданской смуты может поддержать заговорщиков. В пример Сарданапалу Салемен ставит Семирамиду, которая вела победоносные войны и присоединила к империи несколько провинций. Сарданапал же, ненавидящий насилие, отказывается от наследия и веры предков, провозглашая себя приверженцем греческих богов.

В разговоре с Сарданапалом Салемен сообщает, что вскоре может начаться восстание войск, но нерешительный царь долго не хочет этому верить и предпринимать решительные меры. Наконец Сарданапал неохотно дает разрешение арестовать заговорщиков, но просит Салемена оставить их в живых и обращаться с ними как можно гуманнее. Как выясняется, во главе заговора стоят доблестный полководец Арбасез и жрец Белесез, фанатичный идеолог революции. Когда верный Салемен пытается взять их под стражу,

Сарданапал вмешивается и велит отпустить подозреваемых, ибо не верит, что столь достойные и честные люди злоумышляют на его власть. Пораженный благородством и неожиданным мужеством царя, Арбасез решает выйти из заговора, но затем, опасаясь ссылки и опалы, поддается на уговоры Белесеза и выводит войска к царскому дворцу.

Когда Салемен укоряет Сарданапала за нерешительность, тот говорит ему: «Мой брат, мой лучший подданный и царедворец, лучший, чем я царь. Ты должен был бы быть монархом!» В момент опасности в Сарданапале внезапно просыпается герой-воин, и он облачается в латы, чтобы возглавить свое редешее войско. Белесез проникает во дворец и пытается совершить цареубийство, но Сарданапалу удается спастись. Некоторое время сражение идет с переменным успехом: защитники дворца отражают атаки мятежников. На второй день, однако, начинается наводнение: Евфрат выходит из берегов и размывает стену, окружающую дворец. Мирра говорит Сарданапалу: «Итак, сами волны восстали против тебя», на что царь отвечает: «Они не мои подданные, и их можно простить, потому что нельзя наказать». Наводнение, которое, по словам героя, «более могущественно, чем царь» («le fleuve est <...> plus puissant qu'un roi»)³⁸, меняет соотношение сил. Мятежники берут верх в решающем сражении, где гибнет Салемен и другие защитники царя, захватывают подступы к дворцу и провозглашают Арбасеза царем, а Белесеза верховным жрецом империи. Новоявленные властители немедленно устанавливают жестокий тиранический режим, демонстрируя, как сказано в трагедии, что «есть новые монархи, властвующие всего лишь час, но деспотичные не меньше, чем самодержцы, облаченные в пурпур и восседающие на троне от рождения до зрелости». Они посылают гонца к Сарданапалу, предлагая ему выбор между позорным изгнанием и казнью, который герой отвергает и сам, вместе с Миррой, восходит на разложенный по его приказу костер, чтобы умереть в собственном дворце.

Прочитать этот сюжет с русскими «применениями» не составляет никакого труда. Довольно близко к такому прочтению подошел И.В. Немировский, констатировавший сходство «мягкого и пассивного Сарданапала» с императором Александром, а поворотных событий трагедии — с петербургским наводнением 1824 года и декабрьским восстанием, но отказавшийся от обоснования и осмысления этих аналогий³⁹. Действительно, дурные черты харак-

³⁷ Oeuvres de Lord Byron. Cinquième édition. Т. X. P. 142.

³⁸ Oeuvres de Lord Byron. Cinquième édition. Т. X. P. 186—187, 189.

³⁹ См.: Немировский И.В. Образ Петра Великого у Байрона. С. 135—136.

тера героя Байрона — тщеславие, позерство, шегольство, себялюбие, изнеженность, нерешительность, страсть к развлечениям, лень — совпадают с теми качествами, за которые Пушкин корил Александра I — то «дремлющего», то пускающего «кутить» царя — в так называемой десятой главе «Евгения Онегина»:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый шеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда. (5, 180)⁴⁰

Напоминает об Александре и открытая связь ассирийского царя с любовницей-иностранкой (как известно, М.А. Нарышкина была полячкой), а также его сочувственный интерес к чужой религии. Совпадения становятся почти пророческими, если обратить внимание на то, какую роль в судьбе обоих царей — реального и вымышленного — сыграло стихийное бедствие в столичном городе. Как писал Р. Уортман, наводнение 9 ноября 1824 года в Петербурге явилось для Александра I и многих его современников «последним эмблематическим доказательством его смертности», знаком «той непобедимой трагической силы разрушения, которая <...> неподвластна человеку», возмездием за его грехи и предвещанием скорой гибели⁴¹. Именно наводнение, понятие символически, превращает царя Александра в трагического героя истории, обнажая его слабости и оставляя один на один с неодолимой судьбой, что повторяет «сценарий власти», предложенный Байроном в его трагедии, где такая же природная катастрофа открывает Сарданапалу

⁴⁰ Как показал Н.О. Лернер, пушкинская характеристика Александра I перекликается с тем, что писал о нем Байрон в «Дон Жуане» и «Бронзовом веке» (см.: *Лернер Н.О.* Пушкинологовические этюды. XII. Из истории революционной главы «Евгения Онегина» // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.; Л., 1935. [Вып.] V. С. 140—144). Очевидно, слабости Сарданапала, как они обрисованы в трагедии, могли вызвать у Пушкина ассоциацию с этими инвективами Байрона, что, в свою очередь, поддерживало имплицитное отождествление двух «слабых», бездеятельных царей. Заметим также, что и в классической традиции Сарданапал считался олицетворением праздности. Ср., например, обличение этого порока в сатире Державина «Вельможа»: «А ты, второй Сарданапал! / К чему стремишь всех мыслей беги? / На то ль, чтоб век твой протекал / Средь игр, средь праздности и неги?» (*Державин Г.Р.* Стихотворения / Вступ. статья и общ. ред. Д.Д. Благого. Примеч. В.А. Западова. Л., 1957. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.). С. 213).

⁴¹ *Уортман Ричард С.* Сценарий власти. Мифы и церемонии русской монархии. Материалы и исследования. М., 2004. Т. I: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 321—322.

глаза на его немощность и заставляет мужественно принять поражение и смерть. В «Медном всаднике» Александр во время наводнения выходит на балкон Зимнего дворца и произносит всем памятную максиму: «С Божией стихией / Царям не совладеть» (4, 280). Историческим источником этой реплики, как установил В.Э. Вацура, была фраза в письме Александра Н.М. Карамзину от 10 ноября 1824 года: «Воля Божия; нам остается только преклонить главу перед нею»⁴². Нельзя не заметить, однако, что Пушкин изменил смысл высказывания, построив максиму на отсутствующей в источнике оппозиции стихии и царской власти и тем самым сблизив ее с репликами Байронова Сарданапала, который в сходной ситуации говорит именно о неспособности царей повелевать разбушевавшейся стихией: «le fleuve est <...> plus puissant qu'un roi». В этой перекличке следует видеть еще одно свидетельство того, что сходство героя трагедии Байрона и Александра I было для Пушкина несомненным.

Можно с уверенностью предположить, что, предлагая перечитать «Сарданапала» как комментарий к новейшей русской истории, Пушкин прежде всего хотел привлечь внимание к тому, как Байрон трактует тему заговора и вооруженного восстания против законного царя — тему, которая в русском последекабристском контексте была одновременно самой злободневной и самой запретной. Едва ли случайно заметке о Байроне в тексте пушкинского «коллага» предшествует рассуждение о тайных обществах:

Сказано: Les sociétés secrètes sont la diplomatie des peuples⁴³. Но какой же народ вверит права свои тайным обществам и какое правительство, уважающее себя, войдет с оными в переговоры? (7, 42).

В этом рассуждении, конечно, нельзя не расслышать полемику с декабристами, чьи замыслы и «злонамеренные усилия» Пушкин в записке «О народном воспитании» охарактеризовал как «более или менее кровавые и безумные» (7, 30). В то же время, предваряя отсылку к «Сарданапалу», оно, как кажется, имплицитно

⁴² *Вацура В.Э.* Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969. Т. VI. С. 168, примеч. 66. По убедительному предположению А.Л. Осовата, Пушкин, вероятно, узнал о записке Александра от И.И. Дмитриева, у которого была ее копия, присланная Карамзиным (см.: *Осоват А.Л.* Источниковедческая заметка к «Медному всаднику» // Тыняновские сборники. Вып. 9: Сельские Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995—1996. С. 127—129).

⁴³ В указателе к академическому полному собранию сочинений Пушкина эта цитата предположительно приписана Байрону (*Акад.* XVII, 99). Ее источник пока установить не удалось.

устанавливает параллель между описанными в трагедии Байрона событиями, закончившимися гибелью ассирийского царя (который, заметим, вполне по Пушкину отказывается вступать в переговоры с мятежниками), и недавними событиями в России, закончившимися кровопролитием на Сенатской площади и спасением империи. Основную вину за успех восстания Байрон возлагает на нерешительность, бездеятельность и мягкость государя, который ничего не предпринял, дабы помешать заговорщикам. Трагический парадокс здесь заключается в том, что мятежники, движимые либо наивными, но благородными освободительными идеями (как прямодушный генерал Арбасез), либо неумным честолюбием и жаждой власти (как коварный жрец Белесез), хотят убить или свергнуть самого либерального из всех ассирийских царей, который пытается отказаться от кровавого наследия Нимврода и Семирамиды, не прибегать к насилию и быть благодетелем для своих подданных. В этом смысле Сарданапал прав, когда утверждает, что его твердый и решительный «брат» был бы лучшим царем, чем он, потому что в данной ситуации он смог бы спасти государство и династию. Результаты победоносного восстания Байрон оценивает резко критически: «мягкую» деспотию лишь сменяет деспотия «жесткая», а отношения господства и подчинения остаются неизменными.

События в России, как нетрудно заметить, развивались по сходному сценарию и могли бы закончиться тем же трагическим финалом, если бы в решающий момент Александра-Сарданапала не сменил на троне Николай-Салемен. Декабристы тоже злоумышляли против самого либерального из русских царей, хотевшего стать благодетелем своего народа и отказывавшегося от наследия своих предков; цареубийство тоже входило в планы самых фанатичных заговорщиков; Александр, как и Сарданапал, знал о существовании тайных обществ и заговоров, но фактически не сделал ничего, чтобы их разгромить, и потому был более всех повинен в случившемся. Отсылая к «Сарданапалу», Пушкин, по-видимому, намекал на то, что его оценка событий и их главных участников близка к тому, как Байрон представляет и интерпретирует в своей трагедии сходную ситуацию, своего рода архетип, который едва не нашел реальное воплощение в русской истории.

В феврале 1826 года Пушкин писал А.А. Дельвигу: «С нетерпением ожидаю решения участи несчастных и обнародование заговора. Твердо надеюсь на великодушные молодого нашего царя. Не будем ни суеверны, ни односторонни — как французские трагики: но взглянем на трагедию взглядом Шекспира» (10, 155). Полтора года спустя — после обнародования заговора, казни пятерых его участников и заключения шаткого «пакта о ненападении» между Пушкиным и Николаем I — потребность в «шекспировском», то есть

объективном, многостороннем осмыслении событий 14 декабря как трагедии, где герои борются не столько друг с другом, сколько с исторической судьбой, стала еще более настоятельной, и в Байроновом «Сарданапале» Пушкин нашел замечательный прецедент. Крайне важно, что именно Байрон — сам карбонарий, убежденный «либералист» и враг монархических режимов — в данном случае оказался способен не принять сторону ассирийских свободолюбцев, а выявить трагические ошибки и заблуждения обеих враждующих сторон и даже признать внутреннюю правоту честного «государственника» Салемена. Как представляется, тайный смысл пушкинской заметки о русской теме у Байрона заключался в том, чтобы адресовать читателя к Байроновой концепции восстания против слабой власти и тем самым выразить свое сложное, неоднозначное отношение к Александру I, Николаю I и декабристам.

Если наше предположение верно, то двойное дно можно обнаружить и в замечаниях Пушкина о взятии Измаила. Чрезвычайно чуткий к «странным сближениям» дат, Пушкин должен был заметить, что Измаил был взят 11 декабря 1790 года, после чего город на три дня отдали солдатам на грабеж и расправу. Следовательно, «победитель» Суворов, руководивший штурмом из тыла, мог въехать в Измаил только 14 декабря. Мы не знаем, шел ли в тот день снег в Измаиле, но ровно тридцать пять лет спустя, 14 декабря 1825 года, в Петербурге внезапно похолодало и, как вспоминал П.А. Каратыгин, «перепал мелкий снег». По свидетельству многих очевидцев, после разгрома восстания Сенатская площадь являла собой жуткое зрелище, напоминающее описание бойни в Измаиле у Байрона. «Около Сената во многих местах снег был смешан с кровью», — писал тот же Каратыгин⁴⁴. «На улице, это, трупы, — косяноязычно рассказывал Н.А. Благовещенскому некий помощник квартального надзирателя, чье имя история не сохранила, — снег, это, весь перемят и смешан с грязью и кровью»⁴⁵. Ту же картину рисует П.П. Гетце: «Снег на площади между зданием Сената и памятником Петру Великому во многих местах был окрашен кровью, то и дело натыкался я на целые лужи крови»⁴⁶.

Эти страшные картины явно тревожили воображение Пушкина, о них, безусловно, слышавшего. По наблюдению Б.С. Мейлаха, они, вероятно, отразились в его неоконченном стихотворении «Какая ночь! Мороз трескучий...» (3, 19—20), написанном в том же 1827 году, что и заметка о Байроне; Пушкин изображает зимнюю

⁴⁴ Цит. по: 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев / Сост. П.В. Ильин. СПб., 1999. С. 434.

⁴⁵ Там же. С. 240.

⁴⁶ Там же. С. 400.

площадь ночью после казней, где везде виден «мучений свежий след». Строки:

Недавно кровь со всех сторон
Струю тошей снег багрила,
И подымался томный стон,
Но смерть коснулась к ним, как сон,
Свою добычу захватила (*Акад.* III: 1, 60—61), —

как отмечает Б.С. Мейлах, не были пропущены цензурой при посмертной публикации в «Современнике» (1838. Т. XI. № 3. С. 194—195), поскольку напоминали о расправе с повстанцами на декабрьской Сенатской площади⁴⁷. По-видимому, ту же ассоциацию должна была вызвать отсылка к образу кровавого месива на улицах Измаила в «Дон Жуане», искусно замаскированная под критическое замечание педанта.

Безусловно, Пушкин слышал и о том, что после восстания власти немедленно приняли срочные меры, чтобы очистить площадь от убитых и раненых. «Тотчас наряжены были команды для уборки их и для зарытия крови, повсюду обгарявшей снег», — рассказывается об этом в мемуарах неизвестного⁴⁸. М.А. Бестужев, вернувшийся ночью на площадь, застал там следующую сцену: «Одни скоблили красный снег, другие посыпали вымытые и выскобленные места белым снегом, остальные убирали тела убитых и свозили их на реку»⁴⁹. В Петербурге ходили упорные слухи, что трупы погибших солдат и уличных зевак из простолюдинов не хоронили, а сбрасывали в Неву — то есть поступали со своими соотечественниками и единоверцами так же, как в Измаиле с телами «неверных» врагов. Эти торопливые действия властей, стремившихся немедленно уничтожить следы братоубийственного кровопролития, — действия сами по себе постыдные и безжалостные, — ретроспективно стали символом всей политики Николая I по отношению к событиям 14 декабря. После оглашения приговора и казни пятерых декабристов правительство сделало все, чтобы предать трагедию полному забвению и не допустить ее публичного обсуждения, пусть даже с верноподданнических или «шекспировских» позиций: повешенные были тайно похоронены в неизвестном месте; цензура не пропускала никаких упоминаний о восстании и даже имен осужденных; просьбы о помиловании не

⁴⁷ Мейлах Б.С. Талисман. Книга о Пушкине. М., 1975. С. 49. Ср.: *Акад.* III: 2, 1145.

⁴⁸ 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 474.

⁴⁹ Там же. С. 279.

получали никакого отклика. В этой ситуации традиционные «зимние» метафоры — заморозки, снег, обледенение, — нередко используемые для описания политического климата в России, приобрели особую актуальность⁵⁰, и Пушкин, как кажется, прибегнул к ним, чтобы осудить попытки выхолостить историческую память, скрыть кровавые следы трагедии и создать искаженный, «очищенный» образ реальности. Нарисованная им картина — снег, прикрывающий трупы; «победитель», едущий по ним и удивляющийся «опрятности» разгромленного города, — лишена правдоподобия и едва ли имела место в действительности⁵¹, но

⁵⁰ Ср. их использование в стихотворении Ф.И. Тютчева «14-ое декабря 1825»: «О жертвы мысли безрассудной, / Вы уповали, может быть, / Что станет вашей крови скудной, / Чтоб вечный полюс растопить! / Едва, дымаясь, она сверкнула / На вековой громаде льдов, / Зима железная дохнула — / И не осталось и следов» (*Тютчев Ф.И. Лирика* / Изд. подготовил К.В. Пигарев. М., 1966. (Литературные памятники). Т. 2. С. 58). О параллелях к этим образам у мадам де Сталь и П.А. Вяземского см.: Неклюдова М. К французским источникам стихотворения «14 декабря 1825» // Тютчевский сборник. II. Тарту, 1999. С. 107—110. Как заметили Р.Г. Лейбов и А.Л. Осповат, «словесная фигуративность второй строфы “14 декабря 1825” восходит к непосредственным впечатлениям от происшедшего на Сенатской площади» (*Лейбов Р., Осповат А. Чужое слово у Тютчева. Заметки к теме (II)* // Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. С. 303, примеч. 8).

⁵¹ По свидетельству очевидцев и историков, покоренный Измаил представлял ужасающее зрелище: «...горами лежали груды трупов, частью раздетых до нага. Даже офицеры не могли удержать людей от бесцельного кровопролития и слепого бешенства. Согласно заранее данному Суворовым обещанию, город был предоставлен на 3 дня во власть солдат, <...> поэтому на другой и на третий день продолжались еще случаи насилий и убийства <...> Грабеж принял страшные размеры. Солдаты врываются в дома и захватывали всевозможное имущество <...> купеческие лавки были разбиты, и по трупам их владельцев новые хозяева стремились к добыче; многие дома стояли полуразрушенными, обитатели их лежали в крови, повсюду слышались вопли о помощи, крики отчаяния, хрипение умирающих...» (*Орлов Н.А. Штурм Измаила Суворовым в 1790 году*. С. 78—79). Массовые убийства пленных турок, которых погнали через Бендеры в глубь России, продолжались и в последующие дни. В памфлете князя П.Д. Цицианова «Беседа трех российских солдат в царстве мертвых, служивших в трех разных войнах против турок» участник штурма Измаила рассказывает собеседникам о судьбе 9000 пленных: «“Послали их в Бендеры с новодонскими казаками, которые обобрали у них до рубашки. Время было холодное, то иные с голоду, иные с холоду померли, а иных перекололи”. — “Как перекололи? Ведь ты сказывал, что они сдались, так за что-же их колоть?.. Разве они бунтовали?” — “Какой тебе бунт от бабья? Разве они когда-нибудь бунтуют! А вот каким образом: баба, девка, мальчик или больной турок озябнет, или с голоду пристанет, то тут его или ее и приколят, так что от Измаила до Бендер, не зная дороги, можно было доехать по мертвым их телам!”» (*Русская старина*. 1875. Т. 14. № 10. С. 239—240). Этот рассказ подтверждают

легко прочитывается как аллегория политических и общественных «заморозков» в России после декабрьского восстания⁵².

В разговоре с А.Н. Вульфом 15 сентября 1827 года Пушкин сказал: «Непрерывно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать царствование Николая и об 14-м декабря»⁵³.

И.Л. Фейнберг полагал, что речь шла о нереализованном пушкинском замысле исторической книги, своего рода хроники текущих событий⁵⁴. Возможно, однако, что Пушкин имел в виду вовсе не задуманный исторический труд, а свои разнообразные — как прямые, так и аллюзионные — отклики на «современные происшествия» в стихах и прозе 1826—1827 годов («К Вяземскому», «Мордвинову», «Стансы», «Послание в Сибирь», «Арион», «Какая ночь...», заметки о Карамзине в «Отрывках из писем, мыслей и замечаниях» и др.), которые многократно обсуждались в советском литературоведении⁵⁵. К ним, безусловно, следует отнести и заметку о русских темах у Байрона, написанную по методу аббата Галья-

и воспоминания герцога де Ришелье, который пишет, что, не зная дорогу на Бендеры, без труда нашел ее через пять дней после штурма, потому что на протяжении по меньшей мере двенадцати лье она вся была усеяна трупами (Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 54. С. 193). Ясно, что никакой снег (даже если он действительно выпал) не смог бы «прикрыть» горы трупов и чудовищные разрушения в сожженном и разграбленном городе.

⁵² Любопытно, что в примечании к «Медному всаднику» Пушкин упрекнул Мицкевича за такую же, на первый взгляд, «погрешность противу местности», как и у Байрона: «Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший Петербургскому наводнению, в одном из лучших своих стихотворений *Oleszkiewicz*. Жаль только, что описание его не точно. Снегу не было — Нева не была покрыта льдом» (4, 288). Однако этот упрек имел противоположный смысл, ибо был направлен, по точному определению В.Э. Вацура, «против прямых пейзажных аллегорий, деформировавших исторические и географические реалии» (*Вацура В.Э.* Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг. (Разыскания) // Литературные связи славянских народов: Исследования, публикации, библиография. Л., 1988. С. 48, примеч. 111). В более же раннем случае с Байроном сам Пушкин идет на деформацию исторических и географических реалий, чтобы придать зимнему пейзажу аллегорические значения.

⁵³ Вульф А.Н. Дневники (Любовный быт пушкинской эпохи). М., 1929. С. 137.

⁵⁴ Фейнберг И.Л. Незавершенные работы Пушкина. 6-е изд. М., 1976. С. 328—329.

⁵⁵ См., например: *Мейлах Б.С.* Пушкин и декабристы в период после поражения восстания 1825 года // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. II. С. 196—213 (расширенная редакция: *Мейлах Б.С.* Талисман. С. 38—71). *Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967. С. 125—147; *Цыгановская Т.Г.* Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина // Ли-

ни, который Пушкин в 1826 году рекомендовал Вяземскому (10, 163). Как пояснил Б.Л. Модзалевский, аббату Гальяни принадлежало следующее mot: «Знаете ли вы мое определение того, что такое *высшее ораторское искусство*? Это — искусство сказать все и — не попасть в Бастилию в стране, где запрещено говорить все»⁵⁶. В своей заметке-криптограмме Пушкин продемонстрировал именно такое искусство, умудрившись не сказать фактически ни слова правды о самих предметах обсуждения и одновременно сказать «все» о событиях и лицах, к которым Байрон не имел ни малейшего отношения.

Появление пушкинской криптограммы на страницах «Северных цветов» было, как кажется, тщательно продуманным и весьма ответственным шагом. Проанализировав состав альманаха, В.Э. Вацура писал:

Тени декабристов поднимаются со страниц альманаха Дельвига.

В прошлой книжке — Пушин, Кюхельбекер, лицейские. Теперь — Муравьев, Орлов, Рылеев. И Николай Тургенев, чье неназванное имя угадывалось посвященным в мятежных строчках «Моря» Вяземского.

Здесь нет пропаганды их деяния; она невозможна, самоубийственна, и сама история склонила чашу весов в пользу правительства. <...> Но жизнь этих людей, их судьба, их мысль уже неотделима от оставшихся — тех, кто составляет сейчас дельвиговский альманах⁵⁷.

Выявленный исследователем декабристский субстрат «Северных цветов» не отличался особенной остротой и глубиной. Стихотворение Рылеева, опубликованное анонимно, несколько строк в байроническом «Море» Вяземского о недавно пролитой «крови ближних», и пушкинская полемика с декабристской критикой «Истории государства Российского» Карамзина, безусловно, восстанавливали насильственно расторгнутую связь времен, людей и идей, но

литературное наследие декабристов / Отв. ред. В.Г. Базанов, В.Э. Вацура. Л., 1975. С. 195—217; *Иезуитова Р.В.* К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг. // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983. Т. XI. С. 88—114, и мн. др. Наиболее полный и объективный обзор всех откликов Пушкина на декабрьское восстание дает книга Г.А. Невелева «Истина сильнее царя...» (А.С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985.

⁵⁶ *Модзалевский Б.Л.* Примечания // Пушкин. Письма. Т. II: 1826—1830. М.; Л., 1928. С. 170 (курсив оригинала).

⁵⁷ *Вацура В.Э.* «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 126.

не выходили за рамки печального поминального жеста, или, цитируя «Море», «мирового слова друга». На этом фоне тайнопись Пушкина должна была выделяться как единственная в своем роде попытка осмыслить «современные происшествия» в исторической перспективе и дать им — через «Дон Жуана» и «Сарданапала» — такую оценку, на которую могли бы сослаться потомки.

II

25 июля 1835 года Пушкин написал «парадным» почерком на двойном листе хорошей бумаги заголовок, парафразирующий Грибоедова: «О Байроне и о предметах важных», и на таких же листах начал излагать биографию прославленного английского поэта. Автограф (ПД 1111) показывает, что для Пушкина в тот момент это был в высшей степени серьезный замысел: он тщательно правит едва ли не каждую фразу, сверяется с источниками, делает выписки. Рукопись, однако, внезапно обрывается, когда биографическое повествование достигает лишь приезда одиннадцатилетнего Байрона в «древний Ньюстид» (7, 220).

Написанное начерно начало статьи, как кажется, не содержит каких-либо ключей, которые могли бы прояснить дальнейшие намерения Пушкина. По сути дела, оно представляет собой конспект первых глав жизнеописания Байрона, составленного Томасом Муром по переписке и дневникам поэта⁵⁸, с добавлением отдельных подробностей из нескольких других источников и немногочисленных авторских замечаний⁵⁹. Неясны и побудительные причины, заставившие Пушкина снова вспомнить «певца Гяура и Жуана» тогда, когда поэзия и политические взгляды Байрона давно потеряли для него актуальность, а биография была и без того хорошо известна и ему, и русским читателям. П.В. Анненков отнес набро-

⁵⁸ Letters and Journals of Lord Byron: With Notices of His Life, by Thomas Moore. London, 1830. В России книгу знали, главным образом, по французскому переводу, вышедшему в свет вслед за оригиналом под названием «Записки Лорда Байрона»: Mémoires de Lord Byron, publiés par Thomas Moore; traduits de l'Anglais par M-me Louise Sw.-Belloc. Paris, 1830. Именно это французское издание было в библиотеке Пушкина (*Библиотека Пушкина*. № 696. С. 182).

⁵⁹ Параллельные места из французского перевода книги Мура см.: Козмин Н.К. Примечания к историко-литературным, критическим, публицистическим и полемическим статьям и заметкам. С. 669—672. Н.К. Мясоедова установила, что несколько деталей Пушкин взял из биографического очерка, написанного Джоном Гэлтом (John Galt) и приложенного к парижскому однотомнику Байрона (1835), который был в библиотеке Пушкина (*Библиотека Пушкина*. № 693. С. 181) — см.: Мясоедова Н.К. Об источниках статьи Пушкина о Байроне // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 1981. Вып. 19. Л., 1985. С. 184—193.

сок к статьям Пушкина, которые «принадлежат к непосредственным впечатлениям чтения и сделаны, так сказать, в самом пылу его»⁶⁰. По всей вероятности, он имел в виду книгу Томаса Мура, не зная, что Пушкин прочел ее по-французски еще в 1830 году⁶¹ и потому вряд ли мог ею вдохновиться. Н.К. Козмин предположил, что ближайшим поводом явился выход в свет в 1835 году русского перевода «Разговоров с Байроном» капитана Медвина («Записки о лорде Байроне». Ч. 1—2. СПб., 1835)⁶², но и эту гипотезу приходится отвергнуть по той же причине: Пушкин читал книгу по-французски в 1825 или 1826 году⁶³, и ее русский перевод (вышедший к тому же после 25 июля) не был для него важным событием.

Иное, более интересное, хотя и спорное объяснение пушкинского замысла предложила Я.Л. Левкович. Сравнив набросок с программой автобиографических записок, которую Пушкин составил в 1830 или 1833 году, она пришла к выводу, что целью Пушкина было выявление в жизни Байрона таких биографических фактов и обстоятельств, которые соотносились бы с его собственными, и что за документальным повествованием «часто угадывается исповедь русского поэта»⁶⁴. Безусловно, текст наброска дает некоторые основания для подобного прочтения, тем более, что в августе 1835 г. Пушкин должен был достигнуть возраста, в котором Байрон закончил свою жизнь. Из нескольких предложений, написанных Пушкиным без опоры на источник, прежде всего обращает на себя внимание комментарий к открывающей книгу Мура фразе: «О Байроне было сказано, что “он больше гордился своим происхождением от Норманских баронов, пришедших в Англию с Вильгельмом Завоевателем, нежели тем, что он был автором Чайльд-Гарольда и Манфреда”»⁶⁵. «Чувство весьма понятное! — восклицает

⁶⁰ Анненков П.В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Сочинения Пушкина. С приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч. / Под ред. П.В. Анненкова. Т. 1—7. СПб., 1855. Т. I. С. 257.

⁶¹ См. об этом С. 31—32, прим. 51 наст. изд.

⁶² Козмин Н.К. Пушкин о Байроне. (Речь на юбилейном заседании Научно-Исследовательского Института 6 июня 1924 г.) // Пушкин в мировой литературе. Сборник статей Л., 1926. С. 112.

⁶³ См. С. 32, прим. 52 наст. изд. Французский перевод «Разговоров с Байроном», который Пушкин читал в Михайловском, в его библиотеке не сохранился, а английское издание, значащееся в каталоге (*Библиотека Пушкина*. № 1149. С. 285), он купил только 20 июня 1836 года (см. опубликованный Л.Б. Модзалевским счет от книгопродавца Л. Диксона: Литературный архив. М.; Л., 1938. Т. I. С. 38).

⁶⁴ Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 40—43.

⁶⁵ Mémoires de Lord Byron. Т. I. Р. 1. Мур цитирует письмо Стендаля к мадам Анне-Луизе Беллок, впервые опубликованное в ее книге о Байроне

пишет о том, что бедность, несоответствующая высокому рождению, и тяжелый характер «пылкой» и «безрассудной» матери «имели сильное продолжительное влияние на всю его жизнь»; дважды упоминает о хромоте Байрона — обстоятельстве, по словам Пушкина, «маловажном», но имевшем «столь же сильное влияние на его душу», поскольку «физический сей недостаток оскорблял его самолюбие» (7, 221). Создается впечатление, что к биографии Байрона Пушкин хотел применить ту же стратегию, которую он выработал для поэтики «Дон Жуана» в «Евгении Онегине»: учитывая и обыгрывая внешнее сходство, выявить и подчеркнуть глубинные различия, чтобы дезавуировать обвинения в подражании.

К середине 1830-х годов вопрос о преодолении Пушкиным влияния Байрона еще не был окончательно решен русской критикой. С одной стороны, А.А. Бестужев писал в 1833 году, что, «раскланявшись с Дон-Жуаном, Пушкин сбросил долой плащ Байрона и в последних творениях явился горд и самобытен»⁷². С другой, у Пушкина еще наверняка была свежа в памяти пространная рецензия Н. Полевого на «Бориса Годунова» того же 1833 года, в которой критик утверждал: «Байрон возобладал совершенно поэтической душою Пушкина, и это владычество на много времени лишило нашего поэта собственных его вдохновений. <...> Светское и с тем вместе карамзинское образование в детстве, а потом подчинение Байрону в юности — вот два ига, которые отразились на всех почти его созданиях доныне <...> Пушкин явился <...> как подражатель певца британского, был юн, ограничен во всех отношениях, и особенно по образованию своему и по общественному своему месту. Оттого бледен и ничтожен его “Кавказский пленник”, нерешительны его “Бахчисарайский фонтан” и “Цыганы” и легок “Евгений Онегин”, русский снимок с лица Дон Жуанова, так же как Кавказский пленник и Алеко были снимками с Чайльд-Гарольдова лица. Все это было вдохновлено Пушкину Байроном и пересказано с французского перевода прозою — литографические эстампы с прекраснейших произведений живописи». Согласно Полевому, Пушкин выполнил исторически необходимую для русской литературы задачу — ввел в нее «новый элемент, байронизм», хотя для него самого «это был отрицательный шаг, назад». Характерно, что под знаком байронизма Полевой, в отличие от Бестужева читает *все* Пушкина, включая «Евгения Онегина», и делает исключение лишь для «Полтавы», по которой, как он замечает, мож-

⁷² *Марлинский А.* [Рецензия на книгу]: Н. Полевой. Клятва при Гробе Господнем. Русская бль XV века. // Московский телеграф. 1833. Ч. 52. № 17. С. 100. Цит. по: *Бестужев-Марлинский А.А.* Сочинения. В 2-х т. М., 1981. Т. 2. С. 591.

но «предугадывать, что из него может быть при дальнейшем порыве вперед»⁷³. Эта точка зрения была неприемлемой для Пушкина, представлявшего свой байронизм как давно преодоленное увлечение, простительное только молодому писателю, — увлечение, на которое теперь, в период зрелости, он смотрит с легкой иронией. Так, в «Опровержении на критики» он писал: «“Бахчисарайский фонтан” слабее “Пленника” и, как он, отзывается чтением Байрона, от которого я с ума сходил. <...> Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей» (7, 118). Только молодостью он оправдывает и байронизм Теплякова (который, заметим, был всего на пять лет младше Пушкина) в рецензии на его «Фракийские элегии»: «В наше время *молодому человеку*, который готовится посетить великолепный Восток, мудро, сядя на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольным сочувствием не сблизить судьбы своей с судьбой Чайльд-Гарольда. Ежели, паче чаяния, *молодой человек* еще и поэт и захочет выразить свои чувствования, то как избежать ему подражания?» (7, 287).

Хотя Н. Полевой говорил в своей рецензии о подражании литературном, Пушкина должно было задеть его замечание о том, что по образованию и общественному положению он был ниже Байрона. За ним угадывалась убеждение демократов из «Московского телеграфа», что Пушкин в обществе намеренно изображает из себя «русского Байрона» или, как тогда говорили, «байроничает», не имея для этого достаточных оснований, и потому его поведение часто кажется аффектированным и смешным. Впоследствии это мнение эксплицировал К. Полевой в своих мемуарах, писавший о Пушкине: «Очень заметно было, что он хотел <...> играть роль Байрона, которому подражал не в одних своих стихотворениях. Байрон был не только урожденный аристократ, но и мастер на разные проделки бурной жизни, отличный пловец, ездок на лошади; под конец жизни готовился даже сражаться за свободу греков. Пушкин, кроме претензии на аристократство и несомненных успехов в разгульной жизни, считал себя отличным танцором и наездником, хотел даже воевать против турок и для этого поехал в Азиатскую Турцию, где кипела тогда война...»⁷⁴. Несомненно, Пушкин знал, что сравнения с Байроном в статьях его врагов обычно таи-

⁷³ [Полевой Н.А.] Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина // Московский телеграф. 1833. Ч. 49. № 1. С. 117—147; № 2. С. 289—327. Цит. по: Пушкин в прижизненной критике. 3-е изд. Т. 3: 1831—1833. СПб., 2003. С. 208—209, 210.

⁷⁴ Полевой К. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого // Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вступ. статья и коммент. В. Орлова. Л., 1934. С. 278.

ли в себе насмешку, и искал способ заявить об изменении позиции по отношению к бывшему кумиру. Например, в наброске предисловия к «Борису Годунову», датированном 1829 годом, он иронически заметил: «Изо всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное» (7, 116), декларируя тем самым полное освобождение от байронизма и выражая готовность посмеяться над ним вместе со своими критиками. Как представляется, в начатой статье Пушкин решил избрать иную стратегию и сделать предметом дистанцированного рассмотрения не свой (или чужой) байронизм, а самого Байрона, дабы показать, что подражатели пытаются воспроизводить как раз те черты его характера и поэтической личности, которые были обусловлены дурной наследственностью, врожденным физическим недостатком и изъянами воспитания.

На листе с заглавием наброска Пушкин выписал по-итальянски цитату из Манцони: «Но тот, кто чистосердечно ищет истину, должен, вместо того, чтобы пугаться смешного (*ridicolo*), — сделать само это смешное предметом своего исследования»⁷⁵. В пушкинских уже высказывалось предположение, что он намеревался использовать эту максиму в статье о Байроне, может быть, в качестве эпиграфа, хотя связать ее с пушкинским замыслом исследователям не удалось. Так, М.Н. Розанов с недоумением говорил, что в книге Мура нет «ничего смешного, что бы оправдывало подобный эпиграф»⁷⁶ а Я.Л. Левкович отнесла фразу Манцони к ненаписанной части задуманной статьи, где, по ее ничем не обоснованному мнению, речь должна была идти об отношениях между поэтом и критикой⁷⁷. Между тем призыв Манцони не бояться смешного, а изучать его имеет непосредственное отношение к образу Байрона. Во-первых, многие современники отмечали, что Байрону было с ранних лет присуще, говоря словами Мура, «сильное чувство смешного» («*Son vif sentiment du ridicule*»)⁷⁸ и что его злые насмешки над людьми и человеческой природой как в жизни, так и в творчестве — по определению Герцена, «страшный, разрушающий юмор Байрона, подобный смеху ангела, низвергающегося в преисподнюю»⁷⁹, — часто вызывали негодование и ужас. Во-вторых, комическое впечатление на окружающих нередко производило то, что Пушкин

⁷⁵ См.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М.А. Цявловского, Л.Б. Модзалевского, Т.Г. Зенгер. М.: JL, 1935. С. 554—556.

⁷⁶ Рукою Пушкина. С. 556.

⁷⁷ Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. С. 217—218 и прим. 12.

⁷⁸ *Mémoires de Lord Byron*. Т. I. P. 45

⁷⁹ Герцен А.И. Гофман // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30-ти томах. Т. I: Произведения 1829—1841 годов. М., 1954. С. 72.

называет «странностями лорда Байрона»⁸⁰, особенно его, — процитируем Стендаля, — «безумное, по всякому поводу оскорблявшееся тщеславие»⁸¹. По всей видимости, Пушкин намеревался исследовать психологические и социальные корни именно «смешных странностей», которые, благодаря многочисленным подражателям, стали казаться обязательными для романтического поэта, и объяснить их как сугубо индивидуальные свойства, а не как универсальную модель культурного поведения. Это позволило бы ему окончательно расчитаться со своим байроническим прошлым, дистанцироваться от байронизма второй волны, который к середине 1830-х годов начал доминировать в русской поэзии, и провести четкую демаркационную линию между «реальной» судьбой поэта и биографическим мифом.

Даже по началу статьи можно понять, что Пушкин не принимает концепцию характера Байрона, предложенную в «Записках» Томаса Мура, главным источнике его заметок. Согласно Муру, в характере Байрона невозможно выделить какие-либо определяющие черты, ибо он весь соткан из противоречий; главное его свойство — это беспримерная переменчивость, подвижность чувств и поведения; им всегда движет настроение и «господствующее желание данного момента», которое быстро сменяется другим, часто противоположным⁸². Пушкин, напротив, не только выделяет «главные признаки его характера»: горечь и раздражительность (в черновике к ним добавлено уныние — *Акад.* XI, 524), но и указывает на два фактора, их обусловившие: наследственность и несчастливое детство. Именно так объяснял свой характер сам Байрон, если верить воспоминаниям нескольких его собеседников. Капитану Медвину, например, он говорил: «Странно думать, что мы не наследуем наши

⁸⁰ Само слово «странности» у Пушкина здесь имеет значение «причуды», «чужачества», «то, над чем обычно смеются», и потому может быть связано с итальянским «*ridicolo*» в цитате. Ср. в «Барышне-крестьянке» об уездных барышнях: «Конечно, всякому вольно смеяться над некоторыми их странностями ...» (6, 101). В неподписанной заметке о шумевшей книге Ли Ханта (*Leigh Hunt*) «*Lord Byron and Some of his Contemporaries*» (см. ниже, прим. 84), помещенной в «Литературной газете», говорилось, что автор «не шадит его [Байрона] слабостей, заблуждений и смешных странностей» (Лорд Байрон и некоторые из его современников // Литературная газета. 1830. Т. I. № 14. С. 111).

⁸¹ *Стендаль*. Лорд Байрон в Италии. Рассказ очевидца // *Стендаль*. Собр. соч.: В 15-ти томах. Т. 7. М., 1959. С. 313. В этом очерке Стендаль резко отделяет смешного анекдотического Байрона, кичливого чудака и денди, от великого поэта: «Когда лорд Байрон переставал тщеславиться своим происхождением или красотой, он сразу становился великим поэтом и разумным человеком» (Там же. С. 304). Первый русский перевод очерка был напечатан в «Сыне Отечества и Северном Архиве» (1830. Ч. 133 (=Т. XI). № 19. С. 379—394; Ч. 134 (=Т. XII). № 20. С. 3—13).

⁸² См., например: *Mémoires de Lord Byron*. Т. V. P. 272—275.

страсти подобно подагре или еще какому-нибудь недугу», уверяя его, что унаследовал некоторые качества от своего отца, пустившего на ветер три состояния и соблаздившего трех женщин⁸³. Пушкин, по всей вероятности, также читал сохранившиеся в его библиотеке мемуары английского писателя Ли Ханта, долго жившего в доме Байрона в Италии. Смертельно обиженный на своего негостеприимного хозяина, Хант обвинял его в эгоизме, тщеславии, извращенности и капризности, но возлагал вину за эти пороки на родителей Байрона. «Его отец был ужасающий распутник; мать вспыльчивая женщина, — писал он. — <...> Она давала волю своей раздражительности, осыпая сына упреками <...> Так родители наполнили горечью его воспоминания о них и примешали к красоте физического недостатка, завершивший список несчастных стечений обстоятельств, сопутствовавших его жизни. <...> Счастливое детство могло бы исправить его дурные наклонности, но такого детства у него не было. <...> Физический недостаток, безусловно, унижал Байрона до крайней степени, примешав к его вкусу жизни сарказм и уныние»⁸⁴.

В рассказе Ханта о родителях и детстве Байрона, несомненно, отразились какие-то разговоры самого поэта. Об этом свидетельствует его сходство с размышлениями Байрона, записанными графиней Блессингтон, которая встречалась с ним в Италии, перед его отъездом в Грецию. Приведем эту важную запись почти полностью:

Мне часто приходит на ум, — сказал мне Байрон, — что я унаследовал от моей матери вспыльчивость, неровность и грубость моего характера. — Вдобавок, отец мой был ничуть не лучшего нрава, если поверить всему, что мне о нем говорили: после этого неудивительно, что у меня такой несносный характер. Я всегда, насколько память позволяет мне себя изучать, был подвержен ужасным приступам бешенства, причем по поводам столь ничтожным, что я удивляюсь себе, когда хладнокровно думаю об этом, — что не мешает мне всегда оставаться таким. Если что-то меня раздражает, я не могу не прийти в бешенство, а как только демон ярости срывается в моей душе с цепи, я уже перестаю владеть собой. Мне нужно довольно много времени, чтобы прийти в себя после вспышки бешенства, и дело тут не в том, что бешенство долго владеет мною, потому что я его очень быстро отряхаю; но эти приступы изнуряют мой дух, и когда они с силой сотрясают мою нервную

систему, раздражение разносится по нервам, как колебания звука, вызывая глубокое уныние во всем моем естестве. Из этого я делаю вывод, что нужно любой ценой, как угодно, гнуть и мять характер ребенка, пока он не затвердел, потому что никому не достанет решимости и силы воли, какие бы сожаления и угрызения совести их ни питали, исправить того, кто стал или которого заставили стать злым и несносным. Моя бедная мать не проводила и дня, чтобы не прийти в ярость, и всегда передавала мне свое настроение, которое в моем случае иногда переходило в бешенство, особенно когда она попрекала меня моим физическим недостатком. Тогда я убежал от нее и прятался в каком-нибудь уединенном, отдаленном месте, где я мог дать волю гневу и терзавшему меня унижению, безоглядно проклиная этот недостаток, на который я начал смотреть как на неопровержимое доказательство несправедливости Провидения. — О! какими горькими, какими горестными были для меня эти минуты моего детства! Впечатление от них осталось глубоким; оно-то и ожесточило, смутило сердце, в которое природа, думаю, заложила семена любви и добра; оно-то так сильно сбilo с пути прямодушный характер. <...> Я часто мысленно возвращался к дням детства и заново испытывал потрясение, вспоминая страшную силу моих чувств в то время: первые впечатления ничуть не стираются. Моя бедная мать, а за ней и мои школьные товарищи своими насмешками приучили меня смотреть на мой недостаток как на самое ужасное несчастье, которое только может постигнуть человека, и от этого чувства я никогда не мог избавиться. Нужен поистине неисчерпаемый запас благожелания и доброты в характере, чтобы человек растопил в себе разъедающую горечь, которой его кормит и питает физический недостаток, и не дышал бы на мир тем ядом, которым его отравляет и жжет чувство собственной неполноценности. Я где-то читал, что каким бы красивым ни было лицо, оно всегда несет на себе следы даже самого тайного физического изъяна. Однако я уверен, что дело тут в выражении обиды и горечи, которое накладывает на лицо сознание этого недостатка.... Потому что, — добавил он, нахмутив бровь, — было бы крайне жестоко, если б у человека не могло быть безукоризненно красивой головы из-за того, что у него повреждена нога!

Байрон получает странное удовольствие, когда раскрывает и берedit эту рану своего детства, чем заставляет меня думать, что она имела сильное влияние на формирование его характера⁸⁵.

⁸³ *Medwin Thomas. Conversations of Lord Byron. Vol. 1. P. 66—70.*

⁸⁴ *Lord Byron and Some of His Contemporaries; with Recollections of the Author's Life, and of His Visit to Italy. By Leigh Hunt. Second Edition. In Two Volumes. Vol. 1. London, 1828. P. 149—152 (Библиотека Пушкина. № 1013. С. 254).*

⁸⁵ *Conversations de Lord Byron avec La Comtesse de Blessington; pour faire suite aux Mémoires publiés par Thomas Moore. Traduction de M. Ch.-M. Le Tellier. Paris, 1833. P. 175—178 (Библиотека Пушкина. № 694. С. 181).*

Нет никакого сомнения в том, что в последних абзацах наброска, где речь идет о «сильном продолжительном влиянии», которые первые годы Байрона «имели на <...> всю его жизнь», Пушкин отталкивается от записок Ханта и особенно леди Блессингтон. С присущим ему лаконизмом он сводит пространные суждения Байрона и комментарии его собеседников к нескольким ярким сентенциям, но сам выбор ключевых слов — горечь, раздражительность, порывы гнева, уязвленное самолюбие, потрясенная чувствительность, бешенство — выдает зависимость от указанных источников. В то же время, говоря о качествах Байрона, заимствованных у предков, Пушкин возвращается к книге Мура и в первый раз прямо ссылается на нее: «Мур справедливо замечает, — пишет он, — что в характере Байрона ярко отразились и достоинства и пороки многих из его предков: с одной стороны, смелая предприимчивость, великодушие, благородство чувств, с другой — необузданные страсти, причуды и дерзкое презрение к общему мнению» (7, 221)⁸⁶. К Муру восходит и идущее следом замечание о том, что «память, оставленная за собою лордом Вильгельмом, сильно подействовала на воображение его наследника — многое перенял он у своего странного деда в его обычаях, и нельзя не согласиться в том, что Манфред и Лара напоминают уединенного ньюстидского барона» (7, 221). Соответствующее место «Записок» в буквальном переводе читается так:

Странные анекдоты, рассказанные о последнем лорде сельскими жителями, среди которых его буйные и уединенные привычки доставили ему пугающую славу, имели природу, способную живо возбудить фантазию молодого поэта и даже вызвать в его душе некое мальчишеское восхищение странностями, ставшими предметом обсуждения и удивления. Некоторые предполагают даже, что история его эксцентричного родственника дала ему главные черты того идеального характера, который впоследствии он воплотил в столь многих различных формах и облагородил своим гением. Как бы то ни было, однако, вероятно, что при отсутствии лучших образцов для подражания, странности его предшественника в значительной степени подействовали на его воображение и вкусу⁸⁷.

⁸⁶ Ср.: «...on ne peut se défendre de remarquer qu'il réunissait en lui d'une manière frappante quelques unes des plus hautes qualités, et peut-être des plus grands défauts épars dans les différents caractères de ces prédécesseurs: la générosité, l'amour des entreprises, la hauteur d'âme de quelques uns des meilleurs esprits de sa race, et les passions désordonnées, la bizarrerie, et le téméraire dédain de l'opinion, qui caractérisèrent les autres» (Mémoires de Lord Byron. T. I. P. 9).

⁸⁷ Mémoires de Lord Byron. T. I. P. 48.

Пушкин сильно сокращает, редактирует и конкретизирует многословный и расплывчатый пассаж Мура, снимая все оговорки и определения. В результате то, что в источнике было высказано как осторожное предположение, приобретает статус непреложного факта, объясняющего как «обычай» Байрона, так и генезис его нелюбимых и странных героев.

Приведенные примеры показывают, что Пушкин попытался применить к жизнеописанию Байрона примерно тот же метод отбора, редукции, монтажа и редактирования документальных источников, который он использовал в «Истории Пугачевского бунта», увидевшей свет в самом конце 1834 года. В письме к И.И. Дмитриеву от 26 апреля 1835 года Пушкин заметил, что в своем историческом труде он «старался только об одном ясном изложении происшествий, довольно запутанных», и надсмехался над критиками, негодующими, что «Пугачев представлен <...> Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою»: «<...> охотно отсылаю их к г. Полевому, который, вероятно, за сходную цену возьмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону» (10, 411). Мне уже приходилось писать о том, что установка не на выявление исторической телеологии, а на «ясное изложение происшествий», являющихся, согласно Пушкину, по большей части следствием разнообразных случайных факторов и характерологических особенностей главных действующих лиц, была резко полемична по отношению к концепциям французских историков-доктринеров, апологетом которых в России стал Н. Полевой⁸⁸. Как кажется, в статье о Байроне Пушкин хотел, пользуясь сходными приемами, создать *психологический портрет* виднейшего романтического поэта эпохи, который был бы столь же полемичен по отношению к романтическому историзму.

Все без исключения западные и русские романтические критики считали Байрона гениальным выразителем «духа времени», глашатаем «нового века», расходясь только в оценках этого исторического феномена и в формулировках аксиоматического тезиса. Известна, например, довольно комичная журнальная перебранка 1825 года между Д.В. Веневитиновым и Н. Полевым, когда последнему не понравилось определение его оппонента, назвавшего Байрона «поэтом, который, духом принадлежа не одной Англии, а нашему времени, в пламенной душе своей сосредоточил стремление целого века...»⁸⁹. Возражая Веневитинову, Полевой писал: «Если бы

⁸⁸ См.: Dolinin A. Historicism or Providentialism? Pushkin's *History of Pugachev* in the Context of French Romantic Historiography // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. № 2. P. 291—308.

⁸⁹ <Веневитинов Д.В.> Разбор статьи о «Евгении Онегине», помещенной в 5-м № «Московского телеграфа» // *Сын Отечества*. 1825. Ч. 100. № 8. С. 371—

должно было выразить характер Байрона, то всего лучше <...> можно назвать его творения эмблемой нашего века»⁹⁰. «Прекрасно!! Вот определение! — справедливо негодовал Веневитинов, — Не то ли самое выразил я, говоря, что Байрон сосредоточил стремления целого века? Не та же ли мысль — разумеется, в новом виде, украшенная пером изд<ателя> “Телеграфа”?»⁹¹ К середине 1830-х годов «общая мысль» Веневитинова и Полевого (а также десятков других критиков) окончательно стала общим местом. Ее на все лады повторяли и тот же Полевой, и И.В. Киреевский, и Н.И. Надеждин, и молодой А.И. Герцен, и Ф.В. Булгарин, писавший в «Письмах о русской поэзии»:

По моему мнению, Байрон есть только красноречивый выразитель идей и чувствований нашего века, создавшего сию поэзию необыкновенными событиями. Мгновенное ниспровержение царств, тронов, имуществ, законов, обычаев, нравов; непрерывные ужасы, войны, казни, убийства в течение последних тридцати лет пред появлением Байрона, торжество дерзости, злобы, порока, бедствия народные и частные произвели те ощущения и те идеи, которые, сосредоточась в душе Байрона, отразились из нее в пиэтических образах и гармонических звуках. Надо было небесного устройства ума и почти сверхъестественной силы души, чтоб уловить, удержать и столь естественно передать глубокие идеи и ужасные чувства чудного нашего века. Байрон есть нравственный феномен, настоящее чудо, Наполеон поэзии!⁹²

На фоне подобных «историзирующих» оценок пушкинский бесстрастный биографический очерк, в котором демонстративно не сказано ни единого слова о «большой истории» царств и народов, но зато много говорится об истории семейной и частной, должен был показаться таким же вызывающим архаизмом, как и «История Пугачевского бунта». Если с точки зрения Булгарина, поэзия Бай-

383. Цит. по: Пушкин в прижизненной критике. Т. 1: 1820—1827. СПб., 1996. С. 268.

⁹⁰ <Полевой Н.А.> Толки о «Евгении Онегине», соч. А.С. Пушкина // Московский телеграф. 1825. Ч. 4. № 15. С. 1—11 (3-я паг.). Цит. по: Пушкин в прижизненной критике. Т. 1: 1820—1827. С. 272—273.

⁹¹ <Веневитинов Д.В.> Ответ г. Полевому // Сын Отечества. 1825. Ч. 103. № 19. Прибавление № 1. С. 25—39 // Цит. по: Пушкин в прижизненной критике. Т. 1: 1820—1827. С. 278 (курсив автора).

⁹² Булгарин Ф.В. Письма о русской литературе. Письмо III. 2. О мелких стихотворениях Пушкина // Сын Отечества и Северный архив. 1833. Ч. 155 (=Т. 33). № 6. С. 320—326. Цит. по: Пушкин в прижизненной критике. Т. 3: 1831—1833. С. 234—235.

рона создана «необыкновенными событиями», то в очерке Пушкина, насколько можно судить по начальным страницам, ее создателем должен был предстать необыкновенный человек, характер которого сформирован неповторимым и непредсказуемым сцеплением случайных обстоятельств. К сожалению, нам не дано знать, почему Пушкин прекратил работу над статьей о Байроне, как бы она развивалась дальше и какие «вопросы важные» он хотел в ней обсудить, но можно быть уверенным в одном: если бы «странное лицо» Байрона полностью отразилось в пушкинском зеркале, оно было бы так же мало похоже на образ поэта, созданный романтической критикой, как Емелька Пугачев на Байронова Лару.